

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш39

Художественное оформление
Екатерины Ферез

Шейл, Рута.
Ш39   Вещные истины : роман / Рута Шейл. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Мистические истории Руты Шейл).

ISBN 978-5-17-109290-0

Память вещей гораздо крепче человеческой. Век их несоизмеримо более долгов, существование спокойно и размеренно — за исключением тех случаев, когда вещь видит то, чего не должна. Впрочем, более надежных хранителей тайн не сыскать.

Однако если вам вдруг удастся уговорить случайную вещицу — старое письмо, фотокарточку, часы или даже портрет — рассказать свою историю, будьте готовы к тому, что отныне вам придется играть по ее правилам, какими бы странными, а подчас и невыполнимыми те ни казались...

«Вещные истины» Руты Шейл — атмосферная мистическая история, в которой прошлое переплетается с настоящим настолько тесно, что само понятие времени утрачивает привычный смысл. В мире магии знаков и символов, где любая судьба может оказаться переписанной, особенно важно остаться верным памяти предков и их подвигу во имя всего человечества, не потерять себя и найти в себе силы противостоять тому, что не должно свершиться, даже если взамен придется отдать собственную жизнь.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109290-0

© Рута Шейл, текст, 2018
© Екатерина Ферез, художественное оформление, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Хотя Он убивает меня,
все равно я буду доверять Ему*

— Иов 13:15а

*Преподнося сюрприз
суммой своих углов,
вещь выпадает из
миропорядка слов*

— Иосиф Бродский

Тучи сгущались. По небу волнами разбегались раскаты грома — а может, то были отзвуки далеких взрывов? Маленький город затаился в ожидании. День давно вступил в права, но улочки оставались пусты. Торговцы не открывали ставен своих лавок. Хозяйки не спешили на рынок, чтобы отхватить крынку первого утреннего молока, головку овечьего сыра или связку свиных колбасок к завтраку, а если кто и решился бы покинуть дом, то обнаружил бы на рыночной площади перед церковью непривычное запустение. Только ветер гонял по бульжной мостовой рваную газету. Она кружила и кружила до тех пор, пока промчавшийся на полной скорости автомобиль не отшвырнул ее прочь.

Миновав площадь, похожая на черного жука машина свернула на дорогу, круто уходящую вверх, и запетляла между цветущих оград. Вспышка молнии выхватила из утренней мглы очертания неприступных стен и башен. Замок возвышался над городом подобно суровому каменному стражу, тускло мерцали в туманной дымке газовые фонари ведущего к нему моста. Подъехав к воротам, автомобиль остановился и коротко хрипло просигналил. Нетерпеливому водителю пришлось несколько раз нажать на клаксон, прежде чем за решеткой появился угрюмый седовласый привратник. Ворота распахнулись, впуская раннего гостя. Машина тронулась с места. Бросив внутрь нечаянный взгляд, слуга отшатнулся и едва не упал. Почтительное выражение его лица сменилось гримасой испуга.

Жестами указав водителю, где следует остановиться, он принялся по-старчески суетливо запирать ворота.

Из-за руля выбрался бледный мужчина в залитом кровью серо-зеленом кителе. Впрочем, для раненого он двигался чересчур проворно — обогнув машину, велел привратнику подойти, утер обшлагом вспотевший лоб и распахнул дверцу.

Вовремя подставленные руки подхватили безжизненное тело еще одного офицера. Слишком юного и для знаков различия гауптштурмфюрера* СС, и для пули, которая насквозь пробила ему грудь.

Дождь решил, что отсрочка закончена. После первых упреждающих капель внутренний дворик замка наполнился шумом и плеском. Вода выхлестнулась из стоков труб и пенистыми водоворотами заструилась по каменным желобам.

— *Scheiße!*** — выплюнул водитель и, приставив ладонь козырьком ко лбу, окинул взглядом темные бойницы донжона. — Секереш! Где Секереш? — Получив кивок на самую дальнюю башню, он скомандовал: — Поднимай! — И устремился туда, предоставив слуге в одиночку втаскивать мертвеца в неприметную боковую дверь.

Винтовая лестница с крутыми ступенями казалась бесконечной. Внутри царили холод склепа и такая же могильная тьма.

Где-то неподалеку бухнуло и зарокотало, словно башня страдала несварением желудка, — это пришел в движение самодельный подъемный механизм. Деревянная платформа поползла вверх по шахте, бывшей некогда каминной трубой — владелец замка принес уют очага в жертву своим адским экспериментам.

---

* Специальное звание в СС, соответствует званию капитана в вермахте. Руководитель «штурма» (подразделения из 54-180 человек). В войсках гауптштурмфюреры как правило занимали должности командира роты, а также ряд административных и штабных должностей. В звании гауптштурмфюрера состояли нацистские врачи Август Хирт и Йозеф Менгеле и комендант концлагеря Плачув Амон Гет. — *Здесь и далее примечания автора.*

** «Дерьмо!» (нем.)

Добравшись наконец до полукруглой двери, незванный визитер потянул на себя железное кольцо. Дверь не поддалась, и он стукнул в нее кулаком.

— Секереш!

Никто не отозвался. Выхватив пистолет, мужчина выстрелил в воздух.

— Ласло! Открывайте, черт бы вас побрал, я знаю, что вы там!

Спустя томительно долгую паузу брякнул засов. Дверь отворилась, явив взгляду черноволосого, в черном же сюртуке мадьяра. Демоническое лицо его обрамляла мепистофелевская бородка, которую он то и дело нервно пощипывал.

— Герр Вайс! — провозгласил Секереш без тени радости. — Отто! Что вытащило вас из постели в такую рань? Я не ждал гостей.

Оттеснив его плечом, Отто Вайс прошел в тускло освещенную комнату, шагнул к столу и плеснул себе вина из початой бутылки. Выпил жадными глотками и тяжело опустил стакан.

— Гости, — сказал он, — будут здесь с минуты на минуту, но я рад, что вы не поддались панике и не сбежали раньше, чем я смог вас застать. «Унтерштанда» больше нет.

Новость явно ударила по самообладанию Секереша. Он покачнулся и упал на стул. — Это, разумеется, чудовищно, вот только... Бежать? — пробормотал он слабым голосом. — С чего вы взяли, что я сбегу?

Повторно наполнив стакан, Вайс вложил его в руку графа и силой заставил сделать глоток.

— С того, дорогой граф... — вино пролилось между дрожащих губ Секереша и оставило несколько пятен на его белоснежной сорочке, — что ваша слава идет впереди вас. Поговаривают, например, что одна из обиженных вами фрау вырезала сердце из вашей груди, но взамен вы получили каменное — угадайте, от кого? От самого сатаны! — Вайс бархатисто рассмеялся, давая понять, что

мало ценит подобную болтовню, но не отказывает себе в удовольствии считать ее забавной. — Находятся и те, кто думает, будто вы и вовсе тот самый *ludvérc*, дьявольский любовник, по ночам проникающий в спальни в образе блуждающего огня. Даже искры, мол, от вас разлетаются! — Теперь он хохотал в голос. Секерешахватило лишь на кривую усмешку. Увидев, что граф не разделяет веселья, Вайс быстро посерьезнел. — Вы, конечно, можете надеяться, что русские посмеются над этими байками точно так же, как над слухами о ваших разудалых пирушках в компании коменданта «Унтерштанда», но что-то мне подсказывает, что, отсмеявшись, они вздернут вас без суда и следствия прямо на вашем щегольском шейном платке... Кстати, это шелк?

Окончательно побледневший граф ответил рассеянным кивком.

— Шелк, так я и думал. Отличная вещь...

Вайс покрутил ручку «Электролы» и опустил на платинку иглу. В шелест дождевых струй за окном вплелись страдающие звуки скрипки.

Ходили слухи, что наиболее впечатлительных слушателей мелодия «*Szomogú vasárnap*» сводила с ума. Самоубийцы оставляли партитуру Шереша вместо предсмертных записок.

Если Вайс таким образом намеревался дать графу намек, то тот его уловил.

— Что вам нужно?

— Ответ — за вашей спиной.

Секереш нервно обернулся. Лицо его сравнялось цветом с лицом лежащего на подъемнике мертвеца.

— Те же, кто поумнее, — вкрадчиво промурлыкал Вайс, — называют вас *fekete orvos*, «черный доктор». Интересно, какое имя даете себе вы сами? Мардук? Асклепий? Иисус Христос?..

— Собаки лают — ветер носит, — буркнул Секереш, со смешанным выражением жалости и отвращения разглядывая рану на груди молодого офицера.

— Слухи пишут историю, — философски заметил Вайс и впервые по-настоящему пристально осмотрелся.

Неспроста здесь воняло, будто на задворках приездего шапито — вдоль одной из стен рядами громоздились железные клетки. В основном среди опилок копошились полевые мыши, но возле самой стены между прутьев иногда показывался куриный клюв, и откуда-то доносилось жалобное мяуканье. Не укрылись от внимания Вайса ни пыльные реторты, расставленные на потемневших полках, ни странные знаки, которыми был исписан пол, ни пустое место в самом центре, откуда подобно солнечным лучам на детском рисунке расходились эти письма.

Теми же знаками, сделанными мелким убористым почерком графа, были усеяны лежавшие на столе листы бумаги.

Между тем Секереш, поискав пульс на шее мертвеца, убедился в том, что и так было очевидно, и развел руками.

— Мне жаль, но я не знаю, чем... я вряд ли смогу...

Драгоценное время утекало водой сквозь пальцы.

— Не для того я тащил его на себе под пулями... — заговорил Вайс, с каждым словом распаяясь все сильнее, — а потом вез от самого «Унтерштанда», чтобы зарыть под забором, как шелудивого пса!

Он подскочил к одной из клеток, запустил туда руку и, вытащив за шкуру упирающегося и отчаянно вопящего жирного кота, одним ударом о стену размозжил ему голову. Встряхнув обмякшее тельце, Вайс швырнул его в середину комнаты — туда, где знаков не было вовсе, — и, выхватив из кобуры пистолет, прицелился в неподвижный серый комок.

— Молись, чернокнижник, молись своим чертовым идолам! — прорычал он.

Несчастное животное шевельнулось. Приподняв голову, кот попытался облизать окровавленный бок, но Вайс скосил его пулей. Граф наблюдал за страданиями своего питомца с нескрываемым ужасом. Тот поднимался

и падал, падал и поднимался до тех пор, пока вместо очередного выстрела не раздался сухой щелчок, и Вайс не замешкался, чтобы перезарядить обойму — но был оставлен властным окриком Секереша:

— Прекратите! Ваша взяла.

Со всеми предосторожностями граф взял кота на руки и погладил его промеж ушей, привычно отметив жар. Как и предыдущие «воскресшие», Цирми был обречен — возвращенные к жизни животные неизбежно гибли от высокой температуры; сложная формула оказалась несовершенна. Поиск ошибки ничего не дал.

Уложив кота на соломенную подстилку поближе к миске с водой, Секереш вернулся к деревянной платформе, чтобы рывком поднять на руки тело мертвого офицера и перенести его на то место, где только что демонстрировал чудеса живучести мохнатый мученик.

Две пары глаз перестали моргать. Казалось, лежавший на полу молодой человек просто задремал на нагретой солнцем скамейке в городском парке. Он ушел в вечность с мечтательной полуулыбкой, в которой еще теплилось обаяние жизни, и только алое пятно в середине его груди не позволяло забыть, что это всего лишь посмертная маска.

Прошла минута. Две. Три. Дождь по-прежнему умывал дома и мостовые маленького города. Старый привратник отворял ворота. Внутренний дворик замка заполнялся вооруженными людьми.

— Они здесь, — прошептал Вайс, заслышав шум. — Это конец.

Словно очнувшись от долгого сна, Ласло Секереш кинулся к столу и начал торопливо сгребать с него бумаги. Разумеется, он помышлял о бегстве и был к нему готов. Прямо отсюда! Прямо сейчас!

Обойдя оцепеневшего Вайса, граф бросил полный сожаления взгляд на даже не думавшего оживать гауптштурмфюрера и с охапкой листов в руках сделал шаг — но не к двери, а от нее.

В испещренной знаками комнате эти несколько новых совершенно не бросались в глаза. Издалека они выглядели нарисованным на стене перевернутым треугольником, и только вблизи становилось понятно, что фигура состоит из пяти строк, каждая из которых короче предыдущей ровно на столько, чтобы этот самый треугольник образовать.

Если б ты знал. Ты, самоуверенный чванливый индюк, hasznos idióta*, безмозглый исполнитель чужих приказов. Если б ты только знал, с чем я имею дело, какие силы призываю, то не стоял бы здесь, а упал бы на колени и склонился бы передо мной, ибо я — Мардук! Я — Асклепий! Я...

Опустив голову так, что иссиня-черные волосы скрыли лицо, Ласло Секереш поднес ладонь к треугольнику знаков.

Я — Иисус Христос.

Дым. Побочный эффект стремительного нагрева. Неприятно, но деваться некуда — хотя бы изумрудный оттенок неизменно радует глаз. Нет, не так представлял себе этот момент граф Ласло Секереш. Все должно было случиться без спешки, на трезвую голову, с холодным разумом и в присутствии фотографа, призванного запечатлеть для истории прыжок (хотя Секерешу больше нравилось степенное «переход»), подобного которому еще не случалось. И она должна была быть рядом, рука к руке... Проклятье! О ее дальнейшей судьбе теперь можно было только догадываться. И бежать, бежать без оглядки. Пошло, до чего же пошло...

— Секереш!

Окрик Вайса вернул графа в реальность. Он все еще стоял с поднятой рукой. Зеленый дым клубами валил из невидимых щелей, явственно обозначая дверной проем в том месте, где его только что не было.

— Прощай, колдун.

---

* Полезный идиот (венг.)

Грянул выстрел. Что-то ужалило Ласло под лопатку, и он упал, чувствуя нарастающее жжение в плече. Мысль о том, что он может быть ранен, наполнила непривычного к боли графа ужасом. Боясь шевельнуться, он скосил глаза туда, где должен был стоять чертов Вайс с пистолетом наголо, и обнаружил того распластавшимся на полу у ног молодого офицера. Из груди Вайса торчала витая рукоятка ножа, которым Ласло вскрывал письма. Живой и невредимый гауптштурмфюрер перешагнул через поверженного Вайса и направился к двери. Исходящей дымом двери — пути к спасению, дерзкому вызову пространству, времени, мирозданию и самому его Творцу.

— Куда она ведет?

— В убежище, — выдохнул граф.

Простое слово породило в воскресшем юноше панику.

— *Der Unterstand?* — переспросил он.

— Нет. — Граф устало закрыл глаза. Он имел в виду вовсе не уничтоженный концлагерь, но близкое по смыслу немецкое слово не сразу пришло на ум. — *Das Versteck*. Тайник. Безопасное место.

Тот быстро закивал в знак того, что понял. Бледное лицо озарилось улыбкой надежды.

— Тайник, — повторил он счастливо. — Безопасное место... Спасен!..

Дубовая дверь содрогнулась под ударами. Восставший из мертвых бросил в ту сторону быстрый встревоженный взгляд.

— Спасибо вам, *герр рейстери*. — На прощание он коротко пожал графу руку. Прикосновение было обжигающим. Оставалось только гадать, как долго он продержится, прежде чем разгневанная пропажей безносая жница настигнет его снова, на сей раз окончательно. — Простите, что не могу отплатить тем же.

Вместо ответа Секереш мысленно послал в спину эс-совца отборные венгерские проклятия. Стоило только молодому человеку раствориться в удушливом облаке

гари, граф призвал на помощь все имевшиеся у него силы и ползком двинулся в центр круга. Он перемещался медленно, то и дело останавливаясь, чтобы не потерять сознание от слабости, и, когда до вождельного пространства оставалось всего ничего, увидел клятого Вайса. С искаженным болью лицом тот стремился туда же, но делал это едва ли проворней самого графа. Они заметили друг друга одновременно, и оба прибавили ходу.

Дверь лаборатории жалобно трещала и грозила вот-вот слететь с петель под напором рвущихся внутрь русских.

Какой нелепый конец, думал Секереш, чувствуя, как капля за каплей его покидает жизнь. Разве так умирают великие ученые? В темноте каморки под крышей каменного чулана, глядя в бессмысленные, налитые кровью глаза своего убийцы? Под звуки солдатской брани? Так и не успев поведать о себе миру?

Он горько рассмеялся бы, если бы не боль. Не иначе, как Смерть, оскорбленная пренебрежением, униженная победой графа, приготовила для него особенно жалкую участь. Глухо бряцала об пол рукоятка ножа, по-прежнему украшавшая грудь Отто Вайса. Он почти достиг цели. Ласло — нет.

Вдруг в воздухе мелькнуло серое пятно. О коте по имени Цирми все забыли, а зря — сердце незлопамятного по природе существа не стерпело обиды, нанесенной кошачьему роду мерзким типом в уродливой форме, и он, презрев пророчество хозяина о близкой смерти, словно в мишень, нацелился когтями в одутловатую физиономию своего мучителя.

Вайс тоненько, по-бабьи взвизгнул и покатился по полу, пытаясь сбросить с себя взбесившееся животное, но Цирми дрался как лев. Его вопли заставили опешить даже русских — те ненадолго прекратили попытки выбить дверь, вероятно, раздумывая, не ждет ли их по ту сторону встреча с каким-нибудь особенно жестоким венгерским духом.